

Генри Лайон Олди ЗОЛОТАРЬ

*С языком, с человеческим словом, с речью
безнаказанно шутить нельзя; словесная
речь человека — это видимая, осязаемая
связь, союзное звено между телом и духом.*

Владимир Даль

Довлеет дневи злоба его...

Евангелие от
Матфея

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВОЗЬМИ СЫНА ТВОЕГО, ЕДИНСТВЕННОГО

*И было, после сих происшествий Бог
искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он
сказал: вот я. Бог сказал: возьми сына
твоего, единственного твоего, которого
ты любишь, Исаака; и пойдя в землю Мориа
и там принеси его во всесожжение на одной
из гор, о которой Я скажу тебе.*

Бытие, 22

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ ДОРОГА ПОД ЗЕМЛЮ

1

— Это квартира Золотаренко?

— Да.

— Александр Игоревич?

— Да, это я.

— Ваш сын в больнице.

В первые минуты я всегда паникую. Пожар, увольнение, тень в подворотне — стопор, хоть кричи. Мечтаю спрятаться под одеяло, моргаю, как дурак. Бабушка в детстве звала меня «тефтелем». С ударением на первое «е». Моя бывшая утверждала, что в миг опасности я становлюсь похожим на морскую свинку. Уж не знаю, почему, но меня это дико обижало.

Потом я прихожу в себя. Делаю все, что положено. Но вначале — тефтель, и баста.

— В больнице?

— В институте неотложной хирургии. Знаете, где это?

— Знаю...

— Приезжайте. В холле главного корпуса вас встретят.

— Что с ним? Он жив?

— Он в реанимации. На него было совершено нападение. Приезжайте, это не телефонный разговор...

— Вы врач?!

Гудки. Нет, это не врач. А кто? Милиция? Все было просто прекрасно, и сразу стало так плохо... Дурная привычка мыслить цитатами. Память сразу подсказала, как дальше: «...обул он белые тапочки и ушел навсегда.» Пародия Иванова на Асадова. Сейчас ее уже не помнят. Надо побриться. Некрасиво ехать в больницу заросшим...

Господи, о чем я думаю!

Мыльная пена из флакона. Завтра сменю лезвие, это затупилось. Хорошо, что у меня газовая колонка. Всегда горячая вода... Антошка в реанимации. На него напали. Тихий, смирный ботаник Антошка. Наглая, пьяная гопота. Что у него можно было забрать? Мобильник? Стипендию? Часы? Куртку? Куртку я ему подарил в прошлом году, она еще совсем новая...

— Твою мать!

Порезался. Ничего, ерунда. Прижгу туалетной водой.

Зимой надо долго одеваться. А я еще специально тянул время. Ждал, пока сойдет девятый вал паники. Шерстяные рейтузы. Теплые носки. Рубашка. Какие-то ублюдки измордовали моего сына. Найду, из-под земли достану... И что?

Джинсы. Свитер. Я и в школе драться не умел. Не снайпер. Не следопыт. Не ветеран локальных заварушек.

Никто.

Мститель ты хренов, Золотарь.

Утешительно светился монитор. Мимоходом я бросил взгляд на текст, выведенный на экран. *«Как и вся молодежь, облажающая магической силой, Эльдар был отличным бойцом, хотя и не таким, как Берендил, который служил телохранителем короля. Все ждали войны. Владыки Светлой и Темной части мира скрипели во сне зубами, мечтая...»*

Первую редактуру этой ахиinei я уже сделал. В оригинале все было гораздо круче. Войны ждали так, что согласование падежей считалось дурным тоном. «Не имею привычки, — сообщил автор в личной переписке, — перечитывать свои тексты. В книге важна мысль, а не то, как кого обозвали.» К счастью, издательство дало мне карт-бланш — править текст, не советуясь с гением. Ему отправят на сверку все целиком. Гамузом, как говорила моя бабушка. И гений примет без возражений. Разве что скрипнет в интернете, что я убил его драйв и засушил живость языка.

У него в оригинале владыки скрипели не зубами.

Исправить опечатку в слове «облажающая»? Ни за что. Она имеет шанс проскочить мимо корректора. Книга выйдет в свет, и я получу удовольствие. Наверное, только я — больше никто не заметит.

Золотарь! Ты полный придурок!

...шевелись!

Ботинки. Шарф. Старая дубленка. Надо взять денег. Санитары, врачи, медсестры — свора вымогателей. Тут десятка, там сотка. Тысячи за операцию. Капельница за свой счет. Наша бесплатная медицина — самая дорогая в мире. Ну не самая, это я вру. Но если сравнить мою зарплату со ставкой редактора в каком-нибудь «Ваen Books»...

Кепка.

Наличности дома было в обрез. Цапнув НЗ — три сотни долларов, отложенных с лета — я вылетел на лестничную клетку. Там копошилась тетя Паша — хмурая, вечно простуженная уборщица. Подъезд скидывался по «пятаку» с квартиры, арендуя ее на месяц.

— Доброе утро!

— Здравствуйте, тетя Паш. Извините, я очень спешу...

— Ага. Я уже.

Освобождать лестницу она не торопилась. Стояла на карачках, елозила тряпкой. Одна

ступенька, другая; третья... Прыгать через нее? Я не кенгуру. А тетя Паша — тот еще барьер. Подберут меня внизу, свезут в реанимацию за казенный кошт. Сэкономлю на такси.

Паника отступила на заранее подготовленные позиции. Ее место занял юмор — черный и вонючий, как гуталин.

— Тетя Паша! Дайте пройти!

Ей следовало играть в театре. Вы бы видели, с каким кряхтением она поднялась, вытерла трудовой пот, как посторонилась, обдав меня презрением... Будь я режиссером, велел бы ей хлестнуть негодяя тряпкой — и аплодисменты обеспечены. Но я не был режиссером. И сын мой ждал в больнице.

Улицу я пролетел галопом.

— В неотложку!

— Пятьдесят гривен.

— Сорок!

— Сорок пять и поехали.

— Быстрее!

Быстрее не получалось. Центр встал. Одна пробка рассасывалась, другая возникала. Я уже пожалел, что отказался от метро. Не надо было торговаться с таксистом. Выиграл пятерку и сглазил поездку. Это рефлекс — не соглашаться на сумму, которую водитель назвал первой. И никогда не требовать включить счетчик. Дороже выйдет.

Мысли жужжали мухами, нелепыми в феврале. Намекали, что жизнь продолжается. Фортуна незлобива. Расслабься, мужик, обойдется, заденет легким испугом...

В кармане зазвонил мобильный.

— Да, слушаю!

— Золотаренко Александр Игоревич?

— Да!

— Ваш сын в больнице.

— Знаю! Он жив?

— Он в реанима...

— Я уже еду!

— Хорошо...

Похоже, на том конце удивились. Голос другой, визгливый. Первый говорил сочным басом. Что у них там за бардак? Звонят по два раза... А мне какво? Снова услышать: «Ваш сын...» — и ждать самого страшного.

Если позвонят еще — ей-богу, пошлю матом.

2

В дрожащих лужицах плясало солнце. У машин «Скорой помощи», расстегнув куртки, курили водители. Двое санитаров, судя по ухмылкам, из морга, клянчили сигаретку. Без особого успеха. Один качнулся наперерез Золотарю, рассчитывая на акт милосердия, но

Золотарь мотнул головой — не курю! — и прошел, считай, пробежал мимо.

Он уже жалел, что оделся так тепло. Февраль дразнил намеком на весну. Все гадали, продержится солнышко до марта — или ждать похолодания. Заключали пари, спорили; сыпали примерами из прошлого.

Золотарь числился в скептиках.

Он остановился, желая успокоить сердце. Напротив, в больничном саду, пустом и черном, совершал моцион качок в спортивном костюме. Нижняя челюсть бедняги поддерживалась жутким устройством, похожим на инструмент пыток. Качок мерил сад легкой рысью, тупо глядя перед собой. Следом, не отставая, чинно трусили дамы в пальто — юная, молодая, в годах. Дочь, жена и мать. Или мать и две сестры. Проведать явились, апельсины принесли. Хотя какие ему апельсины! — кефир, овсянку...

Все молчали: качок — из-за челюсти, дамы — из солидарности.

— Александр Игоревич? Долго вы...

Высокий мужчина в длинном, до пят, кожаном плаще улыбался странным образом. Казалось, он еще не решил, что ему делать. Улыбка располагает к тебе собеседника, это да. Но у человека несчастье, сын пострадал, и лыбиться, в общем-то, ни к чему...

— Что с Антоном? Вы в курсе?

— Чистильщиков, — представился «кожан», протягивая руку. Пожатие у него было крепкое и бережное, как у отставного борца. — Вадим Петрович. Вы, главное, не волнуйтесь. Да, хорошего мало. У Антона Александровича черепно-мозговая травма. И переломы обеих рук. Лучевая кость правой, запястье левой. Врачи уверяют, с руками все будет в порядке. До свадьбы заживет. С головой сложнее...

Золотарь сперва не понял, о ком речь. Загадочный Антон Александрович не ассоциировался у него с ботаником Антошкой, как он с детства привык звать сына. Переломы, черепно-мозговая...

— Меня пустят к нему?

— Нет.

— Жаль...

— Попробуйте завтра. Скажите, Александр Игоревич... Вашему сыну в последнее время никто не угрожал?

Что значит — в последнее? Год? Пять? После развода Антон остался с матерью. Бывшая не упорствовала, разрешала «мужичкам» видаться вдосталь. Летом они вдвоем ездили отдыхать: Крым, Карпаты, пансионат в Старом Салтове. В прошлом году выбрались в Ригу. Бродили по старой части города, слушали Баха в Домском соборе.

Смеялись — здоровяк в камуфляже после концерта с восторгом рассказывал седому спутнику, отцу или деду:

«Слушай, как она! И руками, и ногами! Я помню эту мелодию — она была в „Томе и Джерри“... Класс!»

— Так угрожали или нет?

— Не знаю. Вряд ли. Антон — тихий мальчик. Бесконфликтный. Как по мне, даже слишком.

— Рохля? Вы извините мою бесцеремонность, но я вынужден...

— Нет, не рохля. Просто он склонен уступать дорогу.

— Может, в частной переписке? На интернет-форуме?

Чистильщиков глядел, не моргая. Глаза у «кожана» были, как две лужицы. Только без солнца. В серой глубине мерцал интерес: холодный, деловой.

— Я не в курсе. Посмотрю, вдруг найду что-нибудь...

— Если найдете, свяжитесь со мной. Вот моя визитка.

Визитку Золотарь сунул в карман, не читая.

— Кочарян! — заорали из окна второго этажа. — Прекратите физкультуру! Вам нельзя!

Качок в саду отмахнулся могучим кукишем.

— Кочарян! Я к кому обращаюсь!

Дамы, словно только и ждали гласа свыше, вцепились в упрямец — замедлив, а там и остановив марафон. Старшая бранилась, средняя убеждала, младшая рыдала. С достоинством качок перешел на шаг, еще раз ткнув кукишем в адрес окна. Словно из нагана выпалил.

В окне воцарилась тишина.

— Дурак, — неожиданно сказал Чистильщиков. — Нет, каков экземпляр... Всего доброго, Александр Игоревич. Вы идите, вас ждут в холле. Там, — он указал пальцем на третий этаж, — наверху, ваша жена.

— Бывшая, — машинально поправил Золотарь. — Мы в разводе.

И удивился, потому что Чистильщиков успел куда-то сгинуть.

За стеклянными дверями от регистратуры к нему метнулся капитан — юркий, будто хорек. Золотарь ни разу в жизни не видел хорька, тем более хорька в милицейской форме. Но не с крысой же сравнивать? Ментов он терпеть не мог с детства; вернее, с юности, когда его, ошалевшего от портвейна и свободы первокурсника, избил патруль в ночной Ялте.

Били просто так, от избытка сил. Даже задерживать не стали.

— Золотаренко? Это вы?

— Я.

— Капитан Заусенец, — хорек строго посмотрел на Золотаря, намекая, что шуточек не потерпит. — Я звонил вам насчет вашего сына.

В сравнении с басом Чистильщикова ломкий тенор Заусенца был жалок. Руки собеседнику капитан не подал. Зато все время поправлял кашне, выбивавшееся наружу из-под ворота казенной куртки. Белое, кашне напоминало флаг сдающегося гарнизона.

— Спасибо.

— По предварительной версии, ваш сын подвергся нападению хулиганов. Состояние стабильное, но...

— Я знаю. Черепно-мозговая травма, переломы обеих рук.

— Знаете? — неприятно моргая, заинтересовался капитан. — Откуда? Вы говорили с врачами?

— Нет. Я говорил с вашим сотрудником.

— Сотрудником?

— Ну да. Он позвонил мне первым. И встретил здесь, у входа.

— Он представился? Вы сможете его описать?

— Смогу, — гаденькое подозрение кольнуло в сердце. Вот так откровенничаешь с кем ни попадя, а потом выясняется, что продал родину и семью. — Рослый, в плаще. Судя по рукопожатию, очень

силен физически. Глаза... Погодите! Он оставил мне визитку...

— Позвольте полюбопытствовать?

Старомодный оборот речи не вязался с внешностью капитана. Словно на гипсовом бедре «Девушки с веслом» вдруг обнаружилась авторская подпись: «François-Auguste-René Rodin».

— Вот...

Отобрав визитную карточку, хорек долго изучал ее. Золотарь смотрел капитану через плечо, благо тот был ниже на полголовы. «Чистильщиков Вадим Петрович. Отв. дир. АС „Авгикон“». Два телефона, факс. Е-мейл. Нам скрывать нечего, утверждала визитка. Мы — люди солидные. В директорах ходим. Звоните нам — мы на все руки мастера.

На все сломанные руки...

— Панин? — капитан извлек мобильник и набрал номер. — Это Заусенец. Слушай, Чистильщиков из ассенизаторов? Что? Ого... Да, тут так и написано: ответственный директор. А хрен его знает, за что он ответственный. За рафинированное дерьмо. Ладно, бывай.

Отключив связь, он внезапно улыбнулся:

— Не волнуйтесь вы так. Все в порядке. Этот ваш Чистильщик вне подозрений.

— Мой? — возмутился Золотарь. — Почему мой, когда он ваш?!

— Он не наш. Возьмите карточку. У меня к вам есть вопросы. Скажите, вашему сыну в последнее время никто не угрожал?

3

— Это ты во всем виноват.

— Перестань.

— Ты. Если бы у ребенка был нормальный отец!

— ...то с улиц исчезли бы все подонки. И в темных «сквозняках» пели бы Окуджаву. Возьмемся за руки, друзья...

Бывшая заплакала. Оружие, против которого я был бессилён. В финале нашего совместного забега она часто обнажала этот меч. Казалось бы, мог привыкнуть. Семь лет после развода. Казалось бы, мог забыть. Ан нет, сразу чувствуешь себя виноватым.

Кто сына искалечил? — ты, Золотарь.

Вот такая логика.

Чтобы не брякнуть лишнего, я встал и отошел к окну. За спиной всхлипывали. В голливудовских фильмах больницы — райские кущи. Светлый коридор, деловитые медики, зеленые, приятные глазу халаты. И стеклянная дверь, сквозь которую видно кровать с пострадавшим. У нас иначе. Пахнет «столовским» борщом и хлоркой. У входа на этаж,

за дряхлым столом, скучает жирная медсестра. Двери выкрашены белилами. Свинцовыми, как мерзость жизни.

Ничего не видно, никуда не пускают.

— Лучше бы он сам упал, — вздохнули за спиной. — Или авария.

— Почему?

— Его били, Саша. По голове. По рукам. Железным прутом.

— Откуда ты знаешь?

— Про прут? Я не знаю. Я закрою глаза и вижу... Когда авария, не так дико. Некого винить, разве что бога. А тут — живые люди. Незнакомые. Встретили, остановили, решили развлечься. Я даже не знаю, что сделаю, если увижу их...

Когда я услышал про бога, понял: бывшая на грани. Недавно она сделалась религиозна. Заезжий пастор — улыбка рекламного агента, хватка бульдога. Молитвенный дом, собрания, ячейки. Библия наизусть. Миссионерский пыл. Рвение неофита. Попытки вовлечь меня и Антошку. К счастью, я оказался ленив, а Антон — благоразумен.

Если она готова винить бога — дело швах.

— Где ты их увидишь?

— В милиции. Или на суде. Не знаю... Наверное, ничего не сделаю. Мне страшно, Саша.

— Ладно тебе... Не трави душу. Антошке этим не поможешь.

— Ты иди домой. К нему все равно не пустят.

— А ты? Пошли, я подвезу тебя на такси.

— Я еще посижу. Я клиентов отменила, день свободный.

Когда мы подали заявление, с нас смеялась вся округа. Редактор и маникюрша. Дельфин и русалка, как поется в известной песне, не пара. Три раза не пара. А у нас любовь. Страсть. Общность интересов — черт ее знает, откуда она взялась. Мы гуляли ночами. Я читал Самойлова:

— Поворожи, цыганка,
На картах погадай,
Ограбь меня до нитки,
Но молодость отдай.

Обобранный до нитки,
Неловкий, молодой,
Поеду я в пролетке
С лошадкою гнедой...

Бывшая, тогда еще будущая, смеялась. Она умела чудесно смеяться. Зачем тебе молодость, спрашивала она. Ты и так молодой. Зеленый, как огурчик. У нее был талант. Банальности оживали в ее речи.

Расписывались мы на третьем месяце. В марте родился Антошка.

— Скажи-ка мне, извозчик,
Куда меня везешь?
Ведь у меня в кармане
Один несчастный грош.

Извозчик мне ответит:
— Не можешь — не плати.
Ведь сам не знаешь, малый,
Куда тебя везти...

Пять лет счастье ехало с горки вниз. Мальчишка, подложивший картонку под тощий зад. Еще пять лет счастье тупо смотрелось в зеркало. Морщинки, красные глаза, первая седина. «Это я? — размышляло оно. — Счастье?» Мы не скандалили. Не повышали голос. Просто разучились радоваться друг другу.

Привычка не спасала.

Вот последний год — тот да, эпоха ссор. До сих пор стыдно перед Антошкой. Она плакала. Я кричал. Придуманнные обиды, ерундовые поводы. И сразу — в крик. Во мне жила странная агрессия. В какой-то детской пьесе у главного злыдня в башке торчал серебряный гвоздь. Если злыдень регулярно

не делал гадости, у него болела голова. У меня болела голова, если я не кричал на жену.

Разбежались мы до странного легко. Все — плач и крик — прекратилось с подачей заявления. Словно выключили энергию. И Антошка, десятилетний мудрец, принял ситуацию без демонстраций. «Знаешь, папа, — сказал он мне, — так лучше.» Парень унаследовал талант матери. Он говорил банальности, как истину. Новорожденную, свежую истину.

Возможно, так оно и было.

— Не молодой, не старый,
Не мертвый, не живой,
Обобранный до нитки,
Я побреду Москвой.

И вдруг — знакомый дворик,
Где сушится белье.

— Привет, мой друг Татьяна!
Пусти меня в жильё!

— Не пуцу, Саша. Не надо.

— Это стихи.

— Я помню. На жильё не рассчитывай.

Захотелось наорать на нее, как в былые времена. Я с трудом сдержался. Черт дернул за язык! — последнюю строфу я произнес вслух.

Бывшая восприняла это, как намек. «Не молодой, не старый...» Вместе со злобой на меня обрушилась реальность. Минуту назад между нами стояла стена. Я переживал, суетился, спешил, но не верил. «Кожан», хорек, качок с челюстью были персонажами книги. Я не писал эту книгу, даже не читал — я ее редактировал.

Неудачный оборот, тяжелая фраза...

Меня взяли за шкуру, уложили между страницами — и прихлопнули. Типографским прессом. Плоский, ломкий, как засушенный лист, я смотрел в окно на больничный сад. И боялся обернуться.

— Я отойду печальный —
Все вспомнил, все забыл.
— Тебя, мой друг Татьяна,
Так мало я любил!

Забыто — не забыто.
И больно. И светло.
И то, что будет после,
Уже произошло.

Дежурная медсестра с любопытством поглядывала на нас.

— Вот деньги, — я достал позорные триста баксов. — Больше нет. Возьми, вдруг понадобятся. Если что, я раздобуду еще.

Деньги бывшая взяла, не чинясь.

— Звони в любое время. Днем, ночью...

— Хорошо.

— Если дождешься врача, звони сразу.

— Да.

Диалог без смысла. Я такие вычеркивал. Или сокращал без жалости.

— Может, чайку? — вдруг спросила медсестра. — С коржиками?

4

Обратно он решил ехать на метро.

Минут семь пешком от неотложки до Деревянко, если не будет троллейбуса. Еще три остановки, и — здравствуй, «дорога под землю», как поет Гарик Сукачев. «Прекрати! — одернул он сам себя. — Накаркаешь! Какая еще „дорога под землю“? Антошка выкарабкается...»

Двусмысленный оборотец засел в голове. Поездом циркулировал по лабиринту извилин. «Осторожно, двери закрываются!» — и грохочущая темнота.

Троллейбусный круг пустовал. Оскользываясь через два шага на третий, Золотарь двинулся прочь

от больничного комплекса. За заборами текли звонкой капелью обледенелые ветки вишен и абрикосов. В сосульчатых «бородах» искрилось по-весеннему яркое солнце. Пускало в глаза стайки «зайчиков», желая растормошить хмурого прохожего. Человек в ответ лишь щурился с досадой и топал дальше.

Перекресток.

За светофором ждет троллейбус.

«Дорога под землю, в ступени и стены, — хриплый, бандитский голос Сукачева бесом сидел на плече. Хихикал, подначивая. — Дорога под землю, в норы железных кротов...»

— Попал! — молодецки заорал в ухо краснощекий крепыш. Он хотел крикнуть что-то еще, но поперхнулся и закашлялся. Золотарь шарахнулся от идиота, едва не угодив под колеса. Он уже нырял в нагретое телами, душное нутро троллейбуса, когда в спину долетело:

— Попал... кхы-кхы!.. ПАПАЛНЕНИЕ счета!

Впервые за сегодняшний день Золотарь улыбнулся. От тряски и духоты его развезло, как пьяного. Он едва не проехал свою остановку — вскинулся в последний момент, расталкивая народ, вывалился наружу...

«Дорога под землю, в норы зеленых змей, дорога под землю, в Ад!»

В метро он неожиданно успокоился. В переполненном вагоне «я» исчезло, теряя неповторимую индивидуальность. Боль? страх? ожидание? — все растворилось горсткой соли в бочке воды. Пассажир, человек без лица.

Один из.

Равнодушен, как Кей, сложивший из льдинок слово «вечность», он глядел на толчею курток, дубленок и шуб. Глаз вычленил из общей «пассажирности» тех, кто даже в людской каше закуклился в особый, личный кокон. Пышная дама уткнулась в карамельный «покет» Донцовой. Очкарик, вдавлен в угол соседом-амбалом, прикипел взглядом к дракону на обложке «Фэнтези-2009». Верзила в ветровке, легкой не по сезону, азартно терзал кнопки мобильного. Телефон в ответ раздражался немелодичными трелями.

При известной доле воображения в них можно было распознать выстрелы. Пиф-паф, ой-ой-ой, привезли меня домой...

...застиранные простыни. Капельница. Кислородная маска. По экрану ползет зеленый червячок. Дергается из последних сил...

Он столько раз видел это в кино, что на миг поверил: да, я побывал в палате Антошки. Это его червячок. Его капельница. Призрак больницы, мелькнув в черном стекле дверей, сгинул без остатка. Дыхание сбилось, уши заложило пробками,

как в самолете. Стоявший рядом старик повернул голову: кто это тут сопит? Он кивнул старику: все в порядке. Нервы. Извините.

И стал глазеть на девушку со смартфоном.

Мышка в скафандре, пришло на ум сравнение. Тонкий стилус бойко сновал по клавишам. Тык-тык, так-так. «В интернете сидит, — Золотарь старался думать о чем угодно, только не о сыне. — Молодцы провайдеры! Связь уже в метро действует...»

Стилус завис в воздухе — муха в киселе.

Миловидное лицо девушки сделалось мертвым. Злой шутник нажал тайный выключатель, погасив все краски. Где-то там, в сетевом трёпе, возник доброжелатель, не пожалевший для мышки «незлых тихих слов». Как говорят заядлые блоггеры:

«Это Интернет, деточка. Тут могут и нах послать!»

Поезд трянуло. Стоящие посыпались друг на друга, хватаясь за что попало — поручни, соседей, чужую сумку... Кто-то охнул. Кто-то стал просить прощения. Очкарик уронил книгу с драконом под ноги амбалу. Дамочка отвлеклась от Донцовой. Верзила матерно выругался — должно быть, недострелил монстра.

Лишь мышка не участвовала в кавардаке. Она была не здесь. Восковая кукла из собрания мадам

Тюссо. Спящая Красавица, Снегурочка, ледышка. Но вот кровь заиграла в жилах, на щеки вернулся румянец...

Когда лицо девушки ожило, в нем появилось что-то хищное. Взмах волшебной палочки превратил мышку в разъяренную, загнанную в угол крысу. Свистящий вдох, складка меж бровями, губа закушена белыми, острыми зубками — и стилус рухнул на клавиатуру, как коршун на добычу. Он мелькал над смартфоном, разя без промаха. Игла хунгана Вуду, насылающего проклятие на свою жертву.

Коли, сладенькая, куклу. В глазик коли, в сердце, в печень.

Умри, враг.

...вашему сыну в последнее время никто не угрожал? В частной переписке? На интернет-форуме?..

— На следующей выходите?

— Что? Нет, не выхожу...

— Станут у дверей, раскорячатся!..

— Ты это кому, тетка?

— Да уж не тебе, сопляк...

Из динамиков лился казенный баритон. При выходе из вагона он рекомендовал не забывать

личные вещи. Здесь вам не сказка, намекал баритон. Здесь дорога под землю. Помните, как у Гарика?

Дорога, где живет многоглазый, многозубый зверь.

5

Меня колотило, как в лихорадке. Едва не пролил кофе на клавиатуру. Тебе бы пожрать нормально, Золотарь. А ты кофе хлещешь! Мало трусит, да? Надо успокоиться. Вдох. Выдох. Глаза закрыть.

Вдох.

Выдох.

Когда я входил в ЖЖ Антошки, руки уже не дрожали. Сын часто бывал у меня, летом жил неделями. Бывшая не возражала. Вход в свой журнал Антон прописал с моей машины. Щелчок по ссылке — и логинишься автоматом. Доверял отцу. Знал: не стану я в подзамочных постах рыться.

...что значит — «знал», «доверял», «бывал»?!
Типун тебе на язык! Знает, доверяет; был, есть и будет! Расстрадался, тряпка? Отставить.

«Recent entries».

Молодец, парень, аккуратно блог ведет. К каждому сообщению — заголовок, тэги

проставлены. Вчерашний постинг. 10.36. «Сыр есть, мужик?» Что у нас здесь? Давай, грузись!.. Фотография. Здоровенная ворона, нахохлившись, косится на камеру.

Read comments:

Прикольна!:)

А лиса где?

Ты ей сыру дал? Заслужила!

Чем снимал? Цифрой?

Здравствуй, дедушка Крылов, борода из ваты!

Дальше...

«Спамеры задолбали! Мочить козлов!»

Ну-ка, ну-ка...

«Спам задрал. Лезет через все фильтры. Сунулся в ящик, а там — как в анекдоте: в вашем спаме почты не обнаружено. Френды, среди вас хакеры есть? Давайте вычислим самых злостных спамеров — и завалим их мэйл-бомбами! Кто что думает по этому поводу — отписывайтесь в комментах.»

Read comments:

+1!

+100!

+1000!!!

*Спамеров — в газенваген!
у меня друган хакер я спрашу
Antique, отпишись мне на мыло из профиля,
есть идея :-))))*

Antique — это ник Антошки. Он у него везде одинаковый: и в ЖЖ, и на форумах. Не найду зацепки тут, полезу там шерстить. Закладки Антон оставлял...

*Фигня это. Надо живьем вычислять и фэйсы
чистить.*

Плюс пицот!

Мы присутствуем при уникальном явлении, подумал я. Рождение письменного бытового разговорного языка. Это не жаргон. Это вялость интонаций. Косноязычие на уровне орфографии. Бухтение. Заикание. Шепелявость. Компенсация в виде орды смайликов. Отсутствие знаков препинания. И, как исключение — нашествие грозных знаков восклицания.

Эрегированные фаллосы, они торчали повсюду.

*Да ладно, Dubar'... Кто их отлавливать
будет? Их надо через сеть давить, на их*

территории. Вреале такому морду начистишь — сам же и сядешь.

Че зассал? Всех завел и в кусты?

Deleted post

Deleted post

Deleted post

Юзер Dubar' забанен за нарушение правил данного журнала — многократный мат в комментах.

Зацепка? Вряд ли. За бан в ЖЖ рук не ломают. Previous 20... Глухо, как в танке. Полистать френд-ленту? 877 человек. Антошка-то, оказывается, без малого «тысячник»! Ну и как прикажете этот «френдятник» перелопачивать?

Тут на год работы...

Мы пойдем другим путем, как завещал дедушка Ленин. «Френды» в ЖЖ — это, конечно, не друзья в традиционном понимании. Так размываются языковые понятия. Скоро на вопрос «Что такое дружба?» станут отвечать: «Это когда юзер у меня во взаимных френдах». Но «френды» — как минимум, не враги. Они не станут подстергать тебя в темной подворотне.

Посмотреть списки «френдоцида»? А вот те хрен, Александр Игоревич! Нет у твоего сына такого списка. Где ссылки на форумы? Ага, сообщества. *Chtochitat* — я и сам иногда

заглядываю. *Onizaebali* , *pornozadorno* , *rubooks* , *rupelevin* , *rupreved* ... *ruslovechki* , *ruxyu* ...

Кофе остыл. Ничего, и холодный сойдет.

Перекусить? Нет, потом.

Знаю за собой эту дурость. «Упертисть», как говорила моя бабушка. Если проблема не решается, упрюсь рогом, как в стену, и — кто кого. В итоге что-то, да сломается: стена или рог. Врешь, не уйдешь! Всю сеть перетрясу, но найду...

Буквы прыгали перед глазами. Время текло сквозь пальцы. Рука на «мышке» онемела. Оружейный форум. Что тут мой ботаник забыл? Хотя... Я в его возрасте тоже балдел от оружия. Кроме «воздушки» в тире, стрелять было не из чего. А сейчас плати деньги — и на линию огня. АКМы и СВД, «кольты» и «Steug AUG» — стреляй не хочу!

...АКМСу — круче всех!

Это кто ж такую мудрость написал? Некто ublu_doc. Говорящий ник у товарища. Ага, Antique в комментариях отметился...

ublu_doc: *АКМСу машинка крутая до не могу! и нехрен на нее гнать наши в чечне из нее вахабов немеряно ложили!*

morpeh: *А ты не путаешь? Может, АКС-74У под 5.45? Они похожи...*

ublu_doc: нифига не путаю! под 7.62. поливает ахренеть!

Antique: торпед прав. У АКМСу отдача такая, что точно стрелять очередями нельзя. Только одиночными. И перегревается быстро. После пары магазинов плеваться начинает. Их с производства давно сняли. **To ublu_doc:** Ты хоть сам-то в руках его держал? Стрелял?

ublu_doc: держал не сомневайся! а ты только хуй свой в руках и держал. сходи пописай на колючку подрочи на монитор и баиньки

Antique: Это твой распорядок дня? :-)

ublu_doc: твой, обсос, твой! тебе ж девки не дают потому что у тебя хер с мизинец

Antique: А ты сосни моего хуйца, узнаешь, мал ли мизинец.

ublu_doc: мамаше своей вставь, гы... вставишь, и будет тебе щасте. а мамаше — радость. ей если и вставляли, так дурное чмо когда тибя строгаало

Antique: За базар ответишь? В реале? Ты писал, что мы землячки. Если ты мужик, жду тебя в субботу, в 12:00 у кафе «Рио», на Петровского. Там и выясним, у кого длиннее.

ublu_doc: убей sibя ап стену, придурок! жди, я приду. и ап стену твоей тупой головенкой. еще и руки переломаю. штоп не тыкал в клави. будешь дрочить с переломом...

За окном стемнело.

В свете фонаря роился снег. Выбирали новую Снежную королеву — суета, мельтешенье, нервная пляска. К вечеру подморозило. Лужицы схватились тонкой коркой. Одно за другим загорались окна. Из машины хрипел портяночный шансонье. Владимирский централ, ветер, ясное дело, северный...

На столе лежал выбор.

В отличие от Чистильщикова, капитан не оставил визитки. Спросил в регистратуре лист бумаги, получил рецептурный бланк без печати, на обратной стороне записал два номера, служебный и мобильный. Буркнул: «Звоните, если вдруг...» — и пообещал вызвать на неделе. Вот уже час Золотарь названивал хорьку. По служебному вначале рявкнули, что капитан Заусенец на совещании, а потом и вовсе перестали отвечать. Мобильный откликнулся женским мурлыканьем: «Абонент находится вне зоны...»

Вне зоны, и слава богу, зло подумал Золотарь.

Чертовски не хотелось звонить Чистильщикову. АС «Авгикон» — что это значит? Ассенизационная служба? Автобусная станция? Акционерное собрание? «Если найдете, свяжитесь

со мной...» Обождать до завтра? С утра продолжить поиски хорька? Шило в сиденье требовало: немедленно!

Позвонить бывшей?

Бред.

Хлебнув остывшего чая, Золотарь набрал номер, указанный на визитке первым. С полминуты никто не отвечал. Затем возникло соединение — и тишина. В недрах тишины, далеко-далеко, Мэри Поппинс шепотом пела про ветер перемен. В сочетании с ветром северным, продолжавшим дуть с улицы, это было уникально.

— Есть кто-нибудь? — с робостью, удивившей его самого, спросил Золотарь.

И, выждав секунду-другую, добавил странное:

— Ау, да?

В ответ зарокотал приветливый бас:

— Добрый вечер, Александр Игоревич!

Что-то нашли?

— Добрый... Да, нашел.

— Ну вот видите! — обрадовался Чистильщиков. — Угрожали?

— Не просто угрожали. Обещали сломать руки. И убить об стену. Думаете, совпадение?

— Не знаю. Где вы эту пакость обнаружили?

— Могу бросить ссылку.

Золотарь решил, что капитан не будет на него в обиде. Разглашение? — форум в свободном

доступе, читай, кто хочет. Такого дерьма в сети — хоть лопатой гребь.

— Буду признателен. Мой e-мейл есть на визитке. Кто угрожал, известно?

— Какой-то ублюдок.

— Александр Игоревич! Я понимаю, вам сейчас тяжело. Но я спрашивал о другом...

— Он так подписывается: `ublu_doc`. Латинскими буквами. Нижнее подчеркивание перед «док». Это юмор. Славный мир, веселый мир. Все шутят.

— И все шутят одинаково, — легко продолжил Чистильщиков цитату. — Извините, благородный дон, я не сразу вас понял. Юзер-инфо?

— Разная чушь. Инопланетянин. Ничего ценного, кроме дня рождения. Щенок, двадцать лет. Если не соврал, конечно.

— Ладно, я пробью по своим трубам.

По трубам. Другой сказал бы: по каналам. А каким тоном он произнес: «Где вы эту пакость обнаружили?» В комнате сразу завоняло, словно на той стороне открылся привокзальный нужник.

Дорога под землю, где лежат трубы.

Надо найти способ оградить себя от несомненного обаяния Чистильщикова. Три минуты беседы, и ты готов довериться незнакомому человеку. Он вежлив, предупредителен, он читал те же книги, что и ты. Он хочет помочь.

Вы — одной крови.

Будь осторожен, Маугли. Сожрут лягушонка с потрохами...

— Где это произошло? — спросил Золотарь. — Вы в курсе? Я хотел узнать у следователя, но забыл. Случаем, не на Петровского? Возле «Рио»?

— Нет. Пушкинский въезд. Шестой дом, подворотня у магазина парфюмерии.

— Когда?

— Утром. В районе одиннадцати. Точнее не скажу.

— Откуда вы все это знаете?

— Вы не доверяете мне, Александр Игоревич. И правильно делаете. Не бойтесь, мы с вами не обсуждаем ничего, что могло бы причинить вам вред. Я получил эти сведения в милиции.

— Кто вы?

— Ассенизатор.

— Я не расположен к шуткам.

— Понимаю. Но я действительно ассенизатор. Ассенизационная служба «Авгиевы конюшни». Поверьте, юмора здесь меньше, чем кажется на первый взгляд.

— Выгребными ямами заведуете?

Проснулась злость. Если бы Чистильщиков стоял напротив, Золотарь бы его ударил. Хотя «ударил» — это фигура речи. Обругал? — тоже

вряд ли. Ну хорошо, всем видом показал бы, что собеседник переступил черту. Ассенизатор, которому менты докладывают обстоятельства дела. Бас, рост, красивые глаза — отчего ж не доложить?

— Заведую, — вздохнул Чистильщиков. — Ох, и вонючая у меня работа, Александр Игоревич! Не шанель, нет, не шанель. А что делать? Кому-то ведь надо... Извините, мне пора. Будут новости — отзвонюсь. Ну и вы нас не забывайте.

— Погодите! Мне сообщать капитану?

— О чем?

— Про ублюдка!

— Не беспокойтесь. Я сам все передам. И ссылку перешлю. До свиданья!

Гудки.

Некоторое время Золотарь сидел, глядя в окно. Ночь, улица. Фонарь. Аптеки нет, зато есть «Second hand». Хорошо бы выпить. В такой ситуации герой всегда пьет. Виски, коньяк; текилу. Ром и кальвадос. В баре нашлась початая бутылка водки, куда для аромата были добавлены корочки лимона. Сойдет, мы не герои.

Мы так, погулять вышли...

Он выпил пятьдесят грамм, поморщился и зашлепал на кухню. Мысль о яичнице была очень привлекательной. В холодильнике есть кусок сала. И лук. Готовя еду, он вслушивался, не зазвонит ли

телефон. Пусть это будет бывшая. Пусть она скажет, что с Антошкой все в порядке.

Никто не позвонил.

ДЕНЬ ВТОРОЙ ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ГОЛОВУ НАЗАД

1

«...Эльдар и Берендил сошлись в центре арены. Их мечи уперлись друг в друга напружиненными лезвиями. Взгляд первого уткнулся в глаза второго, а затем Эльдар вышел из трудного положения прыжком через голову назад. Юноша чуть не упал, но успел отразить клинок, наметенный в шею. Мечи закружились в причудливом танце, который так восхитил пьяного менестреля, что он вскочил с насиженного места...»

Как будем спасать «напружиненные лезвия»? Написать без затей: их мечи скрестились? Автор заругается. Скажет: примитивно. Для Берроуза, значит, не примитивно. Для Муркока, для Вальтера Скотта... Нет, у Скотта иначе:

— А копыя скрестились и застили свет,
Но путь себе граф прорубает мечом...

Ладно, сделаю художественный образ: «Их мечи скрестились, упруго подрагивая.» Гению понравится. Ему по душе эротические аллюзии. А что взгляды мечей, один из которых уткнулся? Тоже скрестились? Нельзя, тавтология. Ну, допустим, взгляды встретились. Мечи скрестились, взгляды встретились...

И разошлись, как в море корабли.

С прыжком через голову назад все ясно — обратное сальто. Если угодно — ловкое обратное сальто. Потрясающе ловкое, энергичное, самое обратное в мире сальто. Каждому существительному — по три прилагательных. Во-первых, это красиво...

Телефон громко запротестовал.

— Да! Слушаю!

— Саша! Антончик очнулся!

Раньше я готов был убить бывшую за «Антончика». Слышать не мог. Бесился, так раздражало. А сейчас — ей-богу, расцеловал бы.

— Как он?

— Доктор говорит, выкарабкается. Сашенька, я всю ночь не спала, молилась... Это знак. Я сердцем чую, это знак нам с тобой. Мы неправильно живем. Нет, ты не подумай, я тебя назад все равно не приму. Я о другом. Нам надо пересмотреть все, абсолютно все...

— К Антошке пускают?

— ...все ценности. Они ложные. В них нет спасения...

— Пускают или нет?!

— Пока нет. Можешь не ездить. Я же понимаю, ты занят... Все, что надо, я принесла. Лекарства купила, кефир, санитарке дала десятку, чтоб ухаживала. Представляешь, она еще и фыркнула! Что мне, мол, ваша десятка! Я с нее не разбогатею... А сколько надо было дать? Как ты думаешь?

Бывшая тархтела, как швейная машинка. Я не слушал ее. Антошка выкарабкается. Остальное не имело значения. В такие минуты веришь чему угодно. Доктор сказал, доктор знает, что говорит. Она молилась, а я, сволочь, водку пил. И совесть за глотку — цап...

— ...надо бежать. Я тебе позже перезвоню.

— Если вдруг пустят, поцелуй за меня Антошку. Я...

— ...опаздываю! Эта Лямцер — ты ее помнишь? — такая вредная...

— ...постараюсь заехать...

Отбой.

За окном лежал снег. На крышах гаражей, ветках деревьев, на дешевеньких «аттракционах» детской площадки. Двор-патриций закутался в белую тогу. Лохматый барбос, дурья, кувырчался в

сугробе. Сосед с третьего этажа прогрел свою «Волгу». Оба старенькие, и сосед, и машина...

Жизнь продолжалась.

«Мечи закружились в причудливом танце...»

Чего я придираюсь? Ну, закружились. Ворчун ты, Золотарь. Канцелярская крыса. Выворачиваешь гениям руки, бьешь по темечку учебником грамматики. А они уходят из трудного положения прыжком через голову назад. Тебе за это еще и платят...

...выворачиваешь руки... по темечку...

Номер телефона, выписанный мне по рецепту, сам лег под пальцы. Не то чтобы я не доверял обещанию Чистильщикова. Доверяй, но проверяй, как говорила моя бабушка.

— Капитан Заусенец! — бодро отрапортовали с той стороны.

— Доброе утро. Это Золотаренко. Помните? У меня сын...

— Помню. Только коротко, у меня мало времени.

Хорек был чертовски неприветлив.

— Я вчера... нашел... — мямлил я, теряя нить разговора. — Антону угрожали! На форуме... К вам я не дозвонился.

— Я был на совещании.

— Чистильщиков обещал вам передать. Он забыл, да?

— Мне все передали. Не беспокойтесь.

— Ну и что?

— Ничего. Если вы понадобится, я вас вызову. До свидания.

— Погодите! Вы выяснили личность...

Хорек сбежал. Ладно, пойдем в обход.

— Алло! Вадим Петрович? Это Золотаренко.

— Здравствуйте, Александр Игоревич, — рокотнул в трубке бас ассенизатора. — Вы извините, я сейчас очень занят. Я вам перезвоню минут через десять.

И я остался наедине с Эльдаром и Берендилом.

«Отшагнув правой ногой достаточно далеко и вытянув назад левую руку, Эльдар коротко, несильно — но быстро уколол соперника в правое бедро, защищать которое латной перчаткой на левой руке было не слишком, скажем так, удобно, а больше, по сути, нечем. Сперва он хотел попробовать дотянуться до внутренней стороны левого бедра, где можно нанести, если знать анатомию, гораздо более опасные для жизни повреждения кровеносной системы организма...»

Вот это я ненавижу больше всего. Зуб даю, описание поединка гениев утянул с какого-нибудь оружейного форума. И трясся над каждым словом, как Сирано де Бержерак над «Агриппиной». Сразу вспоминается знаменитое:

«Я протестую при мысли, что изменит он одну хотя бы запятую...»

Звонок.

— Да!

— Это я, — Чистильщиков был краток. — Мы проверили вашего ублюдка, Александр Игоревич. Стопроцентное алиби. Студент из Новосибирска. С сентября никуда из города не выезжал.

— Это точно?

— Без вариантов. Дурак, но безобидный. Если не считать всякой байды на форумах...

— Он мог к кому-то обратиться! Нанять...

— Киллера? Банду отморожков? Вы — взрослый человек, Александр Игоревич. Разумный человек. Вы не хуже меня понимаете: никого ублюдок не нанимал. И в Харьков тайком не ездил. Здесь другое...

— Совпадение? Сдуру брякнул на форуме, а тут какие-то гопники — руки, голова...

— Это не телефонный разговор, — вдруг сказал Чистильщиков. Голос его потускнел, утратил глубину. Я слушал запись: старую, магнитофонную, с осыпающейся ленты. — Давайте так. Я тут кое-что пробью до упора. И свяжусь с вами. Нам надо поговорить.

Он помолчал и добавил:

— Кажется, вы мне подходите.

Это было похлеще, чем прыжок через голову назад.

2

С минуту Золотарь тупо глядел перед собой. Очнувшись, с брезгливой злостью ткнул пальцем в кнопку «Off» — словно клопа раздавил. Он изо всех сил старался убедить себя, что и знать не желает, для чего он «подходит» Чистильщику. Левое веко нервно дергалось.

Экран монитора.

Черные буквы-букашки.

Они разбегались по накрахмаленной простыне, не желая складываться в «напружиненные мечи». Через четверть часа Золотарь в сердцах плюнул. Вытер дисплей носовым платком и опять взялся за телефон.

Длинные гудки тоскливо ползли в никуда. Их караван, качая горбами, исчезал в недрах телефонной сети. Капитан Заусенец трубку брать не желал. Категорически. Закипая, Золотарь перенабрал номер. Представилось идиотическое: хорек, весь в черном, копируя агента из фильма «Матрица», уклоняется от бьющих в него вызовов.

Еще одна попытка.

В ответ квартира взорвалась отчаянной трелью. Не телефон — дверной звонок. Золотарь

кинулся в коридор, надеясь, что это явился злополучный капитан.

— Кто там?

— Золотаренко? Налоговая милиция!

Глазок зажали ладонью. Ничего не разобрать. В животе закопошился мерзкий холодок. Что, брат? Не подал декларацию за прошлый год? Собрать справки по издательствам — та еще морока. Время терпело — до конца марта. Какого черта? Изменили сроки подачи?!

Автоматным затвором лязгнул замок.

— Уклоняемся, гражданин?

— Я не...

— Купился! Купился, лопух!

В прихожую, хохоча, как бешеная гиена, ввалился Кот — Костя Семенюк, бывший одноклассник. Разя перегаром, он стал хлопать «лопуха» по плечам: с маху, от души. Будто задался целью выбить всю пыль, скопившуюся за годы бумажной работы. Как при этом Кот ухитрился не уронить сумку, откуда выглядывала бутылка «Прайма», оставалось загадкой.

Бутылок Семенюк не ронял никогда.

— Сдрейфил? Усрался? Не боись, старик — отмажем! Адвокат я, или где? Давай, шевели копытами! За стол! Накатим по маленькой...

— У меня работа...

— У всех работа!

— Мне редактуру...

— Всем редактуру! Что ты ломаешься, как целка?

Слабые попытки сопротивления были пресечены в зародыше. Если Семенюк с таким же напором выступает в суде... В школе оба слыли хулиганами — стреляли из «воздушки» голубей и подкладывали на тротуар картонную коробку с кирпичом внутри.

Пнёшь — детям радость.

Опомнившись, Золотарь с удивлением обнаружил, что сидит за столом на кухне. В руке — рюмка, на столе — нарезка салями, ржаной хлеб и банка огурцов. Набор «Выпей сам», мечта холостяка.

— Со свиданьем! Будьмо!

Семенюк дернул кадыком, заглывая водку, и смачно захрустел огурчиком.

— Чё поделываешь? Буквари правишь?

— Я учебниками не занимаюсь.

— Темнота! Букварь — это книга. На фене. Понял?

— Ты юрист или бандит?

— С кем поведешься, с тем и наберешься! — беззаботно отмахнулся Кот. — Тяпнем по второй, а? За бог с нами и хрен с ними!

«Ну и напьюсь. И ладно,» — с ухарской обреченностью подумал Золотарь, закусывая кружком колбасы.

— На жизнь хватает? С редакторских-то дел?

— Не жалуясь.

— А мне не хватает, — Кот пригорюнился. — Полста штук зелени надо. Чтоб судьей стать. Хочу — судьей!

— Зачем, ваша честь?

— Судья — это круто! Знаешь, какие дела можно ворочать? Главное — вступительный взнос наскрести.

— Ты б меньше квасил! — вдруг озлился Золотарь. — День на дворе, а ты уже хорош.

— Сегодня — можно! Старик, я дело выиграл! Такое дело, что... Наливай!

Только сейчас Золотарь обратил внимание, что гость облачен в шикарный костюм. На шее, сбившись набок, болтался «осиной» расцветки галстук. Стрижка «ёжиком» и пунцовая физиономия делали Кота похожим на «братка», принарядившегося на корешову свадьбу.

— ...вчера шеф день рожденья справлял. Натрескались, ясен пень, так, что сила морская! В хлам. А у меня процесс — клиента по хозделу отмазываю. С утра, прикинь! Встаю — бодунице, мама не горюй! Ну, там, умылся, «алказельтцером» закинулся... Как в скафандр влез, не помню — и в

суд. Сижу, ни хрена не соображаю! Что за дела, чего мой клиент нарулил — нет, ты понял? Ва-аще. По нулям. В бумаги сунулся — строчки плывут. Наливай! Шоб наша доля нас не цуралась!

Уестествив очередную стопку, Кот шумно выдохнул.

— Короче, вышел, рот открыл — и тут меня пробило! Всё, чему в юрке учили. Поперло! Термины-шмермины — как из рога! Таковую пургу несусь, что на уши не натянешь. А остановиться не могу. Гляжу — все слушают, типа кивают... А меня на ржач пробивает. Хоть пасть затыкай. Ладно, закончил. Типа клиент всегда прав. И что ты думаешь? Оправдали! По всем статьям! Выхожу покурить, а рядом судья дымит. Ну, смеется, Костян, ты дал копоти! И давалкой обзывается...

— Поздравляю!

— Будьмо! Старик, если что — обращайся. Разрулим в лучшем виде! Я ж вижу, смурной ты. Проблемы? У меня глаз, понял? Давай, колись! Будем решать твои проблемы...

3

...зачем я ему все это рассказываю?

Кот — нормальный мужик. В целом. Но чем он мне поможет? Посочувствует, наобещает сто коробов — и через пять минут забудет. Тефтель ты,

Золотарь, правильно бабушка говорила. Распустил нюни — и язык за компанию. Всегда было интересно, что это за «нюни»? Слюни — понятно, сопли — тоже... Надо будет у Даля посмотреть. Или у Ожегова.

О чем ты думаешь, придурок?!

А Кот слушает. Не перебивает. Даже рюмку отставил. Кивает: типа, валяй дальше. Сеанс психотерапии! «Вы хотите об этом поговорить?»

Да, хочу!

— Проблему понял. Менты, ясен пень, палец о палец. Так?

— Не знаю. Капитан мне телефон дал...

— Ну?

— Не дозвонишься. Трубку не берет.

— Из какого он отделения?

— Я не спросил...

— Удостоверение хоть показал?

— Показал.

— Фамилия?

— Заусенец.

— Ни хрена себе фамилия. Хуже твоей.

— Кот, блин!

— Не кипятись. Телефон, фамилия, звание есть. Если что, вычислим. Без проблем.

— Если — что?

— Если понадобится. Не раскисай, старик. Выпьем за твоего Тоху! Пусть оклемывается пацан...

Странный все-таки обычай: пить отраву за здоровье. Но пьешь — и веришь: сбудется. Выздоровливай, Антошка... Кот, словно подслушав, лукаво жмурится, сует в рот сигарету. Чиркает зажигалкой. Прячется в облако табачного дыма — одна чеширская ухмылка светит во мгле. Черт, теперь в прокуренной квартире спать! А, пускай. Не требовать же от Семенюка, чтоб он курил на балконе?

— Менты — ментами, а я твое дело тоже пробью.

«По своим трубам!» — чуть не брякнул я.

— Подозреваемый есть? Менты сказали?

— Я его сам нашел. Через сеть.

— Хакеришь?

— Иди ты! Пошерстил в интернете — и набрел.

— Чё за крендель? Ментам сообщил?

— Какой-то урод из Новосибирска. Ник — ublu_doc. Молодой, да ранний. Антошке угрожал: руки переломаю, голову пробью. Так и случилось. В точности. А капитан, зараза, трубку не берет.

— Ублюдок? Клевое погоняло! Адрес, фамилия?

— Не в курсе. Страницу с угрозами сохранил. Ссылки, профиль этого подонка... Да, главное: у него алиби. Из города не выезжал...

— Откуда малява?

— Сорока на хвосте принесла.

Не рассказывать же ему о Чистильщикове?

Кот, задумавшись, мнет «бычок» в блюде с остатками салями. Хмурится, кривит губы. Голову рукой подпер — не держится голова. Роденовский Мыслитель после литры мозгового допинга! Встрепенувшись, он хватает бутылку. В рюмки Кот попадает с трудом.

— За успех нашего безнадежного дела!

Водка клоочет в глотке, словно Кот решил прополоскать горло. Сила воли у него железная: сдавшись, водка обреченно ухает в желудок. На лице Семенюка проступает удовлетворение: врешь, не возьмешь! Есть еще порох в пороховницах!

— Вот... флэшка...

Кот пытается извлечь флэшку из кармана брюк. Корячится, пыхтит. И начинает валиться набок. Подхватить его я не успеваю. Вялой жабой он плюхается на паркет. Лежит. Булькает.

Смеется.

— Жив?

— Все зашибись, старик... я тут отдохну... а ты на флэшку... сбрось... Ну это... Муйню с инета, про козла. Ну, ты понял...

В руке его обнаруживается связка ключей. Вместо брелока прицеплена флэшка в кожаном чехольчике.

— Сейчас сброшу. Давай, подниму.

— Не-а! Я полежу. А ты иди...

Бреду к компьютеру. На экране крутится скринсейвер — лабиринты старючего «Вольфа». С пятого раза удается попасть флэшкой в разъем USB-порта. Так, страница, ссылки... Набиваю комментарий: *«Antique — сетевой псевдоним Антона Золотарева, пострадавшего. Ublu_doc — сетевой псевдоним подозреваемого.»* User info ублюдка...

Все, порядок.

Кота я обнаруживаю за столом. Видать, отлежался. Он сосредоточенно разливает остатки «Прайма». К счастью, по рюмкам.

— А тебе не хватит?

— Мне? В самый раз. Счас допьем, возьмем еще пузырь — и по бабам! Давай флэшку. Записал? Молоток! У меня кореш в Новосибе есть. Клиент. Бывший. Крутой бандюган! Он мне по жизни должен. Я его от червонца отмазал. С кунфу... с кунфискацией. Он так и сказал: Костян, за мной не заржавеет! Разобраться там с кем, долг выбить — кидай маляву! Вот я ему и маякну. Его пацаны твоего мухомора на раз вычислят!

Врешь, Котяра. Нет у тебя никакого кореша из Новосибирска. Нет «крутого бандюгана». Если ты работаешь по хозделам местного значения... Адвокат? — так, авокадо. Вот и хочется иногда побыть звездой. Советником Аль Капоне.

— Алиби-шмалиби... Приставят вольту к бестолковке — расколется. Обосрется и расколется. Я тебе говорю! Ты мне веришь, старик?

— Верю. А вдруг это и правда не он?

— Чё, обделался? Не бойсь, брат. Я корешу маякну, пусть они аккуратнo. Если не он, мочить не станут. А если он... Чего изволите? Ручонки обломать? Дырку в башке? Можно еще паяльник в жопу... Пацаны его из-под земли...

Кот стервенел, тряс опустевшей бутылкой, грозя расколотить рюмку. Редкие капли падали на скатерть. В итоге Кот сунул бутылку под стол и вперил в меня мутный взгляд.

Зомби из фильма Джорджа Ромера.

— Из-под земли! Знаешь, какие там пацаны? Мафия! Все схвачено...

Ну да, «у нас все схвачено, за все заплачено». Сейчас выяснится, что наш корешок — крестный отец новосибирской «Коза Ностра», глава синедриона хакеров, резидент ЦРУ, «Моссада» и «Газпрома», а заодно борец с жидопришельцами!

И все-таки, черт возьми... Как же хотелось поверить! Обычно говорят: увидел, словно наяву. А

я вдруг увидел, словно на экране. Сижу у монитора, а мне ролик крутят. Простенький, ютубовский, черно-белый. Прямоугольник мелкого окошка, и в нем ломают ублюдка. Ублюдок валяется в луже, и его, значит — каблуками. Не торопись.

Пальцы.

Запястья.

Локти.

Его ломают, а я смотрю. Рядом Антошка сидит. Здоровый, веселый. Молчит, правда. И пахнет от него... Больницей, что ли? Стариковский запах, кислый. Нет, это не от него. Это мне Кот огурец сует, надкусанный.

— Все понял, Кот. Из-под земли достанут, паяльник вставят и в землю закопают. А мне счет выставят, за услуги. По сицилийскому прейскуранту.

— Какой счет? Все бесплатно! Он мне должен па-жиз-ни! Нет, ты понял? Па-жиз-ни! Мне. Должен! А ты — мой дружбан. Значит, и тебе должен. Логика! Я в юрке учил — ло-ги-ка! Шмогика! Все даром! На халяву, плиз! И никто не уйдет!

— Почему никто? Уйдет, как миленький... Я такси вызову. Поедешь домой, баиньки. Развезло тебя, Котяра, не по-детски...

— Меня? Развезло?! Ты гонишь, старик! Мы идем по бабам!

Спорить с пьяным Котом бесполезно. Надо соглашаться, и все делать тихой сапой. Тогда получится. А иначе упрется и начнет куролесить. И «мало не покажется никому!», как обещал рекламный слоган какого-то «мясного боевика».

— Хорошо, идем по бабам. Только не идем, а едем. На тачке.

— Вот за что я тебя люблю, Золотарь...

На мое счастье, такси нашлось возле самого подъезда.

— Шеф, свободен?

— Ну? — двусмысленно буркнул дремавший за рулем водила, амбал с бычьей шеей. — Куда ехать?

— На проспект Правды. Отвезешь этого деятеля.

Я указал на обнявшего дерево Кота.

— А не блеванет? — засомневался водила.

— Да ты что, шеф! Он же адвокат!

— А-а... Ладно. Сажай адвоката.

Странный аргумент произвел на водилу неизгладимое впечатление. Он сразу проснулся, расцвел и, ухмыляясь, замурлыкал на все лады: «Сажай адвоката!.. адвоката сажай...» Зато Кот на свежем воздухе, напротив, увял и покорно дал загрузить свою тушку на заднее сиденье. Даже номер дома пробормотал.

— Счастливо!

Как там пел Сличенко? Ехали на тройке с бубенцами...

4

...Mozilla Firefox... Bookmarks... Antique's Journal... Enter!
Friends...

МВД запретит псевдонимы?

(17 comments)

СУП маздай! Куды податься? :(((

(97 comments)

(no subject)

(3 comments)

Флешмоб

(11 comments)

С Днем Рождения!!!!!!! :-)

(21 comments)

аццкий отжыг на башроге (ссылко внутре)

(42 comments)

лытдыбр

(0 comments)

Френды! Antique в больнице!!! :-(((

(25 comments)

Enter!

Read comments:

Chainik: Френды! Antique в больнице!!! :-(((
Какая-то гопота избил до полусмерти.

Foma: Это точно? Откуда инфа?

Chainik: Точно. :-(Инфа из первых рук. Был в реанимации, вроде сегодня в общую должны перевести. Я к нему собираюсь.

singularity_sky: позвони когда соберешься, я стобой.

cyber_jack: блин уроды! их хоть нашли тех козлов?

Chainik: Не знаю.

Matilda: Ужас какой! Он жив? Что с ним?

Chainik: Жив. Вроде, сотрясение и два перелова. Обе руки. Навещу — отпишусь подробней. Если в палату пустят.

Matilda: Ты там привет от нас всех передавай. Пусть скорее поправляется!

Chainik: Передам обязательно.

less_nick: Блин, все с завтрашнего дня начинаю с собой ствол носить! Гопота достала! Сунутся буду мочить!

Vovchik: +1!

Dubar': как бы тебя смого из твоего ствола не замочили. гы >;-Е

Dubar': ваш антик сам норвался. а нефик было звиздеть в сети нипаделу! дозвизделса! гы!

Foma: Дубарь, ты чмо! Человек в реанимации, а ты радуешься, урод. :(Гляди, сам дозвездишься...

Deleted post

Deleted post

Deleted post

Chainik: Юзер *Dubar'* забанен нах, ибо урод и достал!

Vovchik: +1! Я его тоже забанил.

jaguar: На оружейном форуме какой-то *ublu_doc* на Антика гонит! Мол это он Антоху отметелил. Айда вломим гаду!

less_nick: Если не брешет, ему надо в реале вломить. Кто берется его IP вычислить?

Foma: Сейчас гляну...

Dr_Frankenstein: Вы бы, хохлы, со своими нациками лучше разобрались. Школы русские позакрывали, протоукры? Фильмы дублируете? Вот и не удивляйтесь теперь...

Foma: Доктор, иди лесом...

Bookmarks. «Оружейный форум». Темы...
«Общий треп»...

«Один нарвался».

Enter!

ublu_doc: Один нарвался! некто чайник в своей голимой ЖЖшке написал что антика

который тут в соседней теме выебывался круто отмудохали. так обсосу и надо! гы! Убили ап стену жаль не до конца :)

Seamus: *А ты чего радуешься?*

ublu_doc: *патамучта! :) он со мной пиписьками всдумал меряцца вот типо и померялсо :) я ему абищал ручки-то пообломать и головенку тупую отрехтовать. вот и отрехтовал :)*

morpheh: *Хочешь сказать, это ты его отметелил?*

ublu_doc: *типо тово :)*

Seamus: *Нашел, чем хвастаться... :-)*

morpheh: **заинтересованно* Как дело было? по-честному, один на один?*

ublu_doc: *А то!*

jaguar: *Да брешет он все! Небось гопу подонков подговорил а сам за углом прятался.*

ublu_doc: *это ты и твой антик сыкуны. пацан сказал пацан сделал! выпей йаду и иди дрыстать в сортир, гы!*

Foma: *В сети все смелые, ублюдок. Интересно на тебя в реале посмотреть. Небось, сопля на палочке. От каждого чиха под подушку прячешься.*

morpheh: *да бросьте! маленький сраный ублюдок свое эго подправляет... Это худшее что осталось от кацценитов. Банить их. а если таким*

лицо править — так они ж в милицию побегут, и вы еще и виноватый будете. Не обращайтесь внимание. они тогда злятся, надуваются и лопаются. мать-природа в таких механизм самоуничтожения встроила...

Dr_Frankenstein: *Вы бы, хохлы, со своими нациками лучше разобрались. Школы русские позакрывали, протоукры? Фильмы дублируете?*

Dexter: *Забаньте наконец кто-нибудь этого долборобота DrFrankenstein! Куда не сунуть везде он хохлосрач разводит. Модер, ау!*

ublu_doc: *кто сомниваиццо может проверить. забиваем стрелку и смотрим кто придет а кто зассыт! тока потом не абижаццо если репу отрехтую!*

Вход в форум.

Password... login...

«Автоматический ввод данных пользователя».

Enter!

«Добро пожаловать на форум, пользователь Antique!»

Antique: *Пиздец тебе, Ублюдок! Думал не встану? Не вычислю? Ты в моем ЖЖ под ником Dubar' сидишь. Говно из Новосиба. Твой адрес в реале уже пробивают по ментовской базе. Кота знаешь? Его корешок, твой земляк, тебя уже*

заказал. А Кот зря воздух не гоняет. Понял? Жди падла. Недолго осталось.

Золотарь долго надеялся на ответ.

Зря.

Галдели все. Кроме *ublu_doc*.

5

— Саша! О Господи... это просто ужас, Саша...

— Что случилось?

— Следователь!.. Антончик!..

— Что с Антошкой?!

— Это мне наказание!.. я знаю...

Бывшая истерила. В трубке заполошно бились рыдания. Казалось, там поселилось сердце спринтера. За миг до этого я стоял на кухне, заваривая чай. Трубку пришлось зажать между ухом и правым плечом. Едва голос бывшей запульсировал в мембране, я пролил кипяток себе на пальцы.

Бабушка говорила, надо сразу помочиться на ожог.

Извини, бабушка — потом.

— Антон жив?

— Ж-жи-и... в-в-в...

Отпустило. Я открыл кран и сунул руку под холодную воду. Ч-черт, какой-то час проспал, и отрезало. Работать не могу, ничего не могу. Голова трещит, до ночи — уйма времени.

— С ним плохо? Ухудшение?

— С ним все-е... все норма-а-а...

Нет, не сдержался. Выплеснул:

— Дура! До инфаркта доведешь, идиотка!

И тоном ниже, браня себя за срыв:

— Говори толком, что произошло!

— Сле... следователь...

— Что следователь? Вызывал тебя?

— Не-е...

— Допрашивал Антона? Давил на него?

— Нет, не дави-и...

— Так что ты меня дергаешь?

В ответ — хриплый, мучительный вопль:

— Саша! Они хотят закрыть дело!

Сперва я не понял. Антон жив, с ним все нормально. Кто они? Какое дело? Какое мне дело до их дел? Дурацкий каламбур. Дурацкая привычка играть словами. Ну и пусть они хотят...

Дошло. Вошло иглой в висок.

— Как закрыть?!

— Совсе-е... всем...

— Они не имеют права! Это разбойное нападение...

— Следователь... говорит...

— Что?!

— Не нападение... Говорит, Антончик сам...

А вот тут я все понял сразу. Сволочь ты, капитан Заусенец. Хорек драный. Решил избавиться от «глухаря»? Навару никакого, одна беготня. У новосибирского ублюдка алиби, у родителей потерпевшего нет мохнатой лапы. И в клюве не несут. Сел ты, Заусенец, выпил пива и подумал: не соскочить ли мне с гнилого базара?

— Сам сломал себе руки? Сам разmozжил голову?!

— Да-а...

— Чушь! Бред!

— Он говорит: свидетели... есть, говорит...

— Нет у него никаких свидетелей! Быть не может!

— Показания...

— Вранье!

— Саша, я не знаю, что делать... нас прокляли, Саша...

Плач сменился гудками. Сердце спринтера остановилось. Зеленый червячок на экране вытянулся в прямую, мертвую линию. Все. Конец — делу венец. Антон сам себя измордовал. Высек, как унтер-офицерская вдова. Капитан подвел черту. Надо напиться в стельку и плакаться луне.

Или радоваться, что парень остался в живых.

Я заметался по квартире. Эй, Чернышевский? Что делать?! Случайно пнул стойку с аудиодисками — музыка разлетелась по полу. Govi, Камбурова, Лорд... Треснул пластик коробки Saint-Preux. Мой любимый альбом, «The last opera phytandros».

Где мобильник?

Капитан не отвечал. По обоим номерам, скотина. Позвонить Чистильщику? Глупо. Господин ассенизатор, спустите хорька, это дерьмо, в канализацию... Задним числом я обругал себя, что ничего не выяснил про Заусенца. Набрать ноль-два? Черт, теперь это один-ноль-два...

И что я им скажу?

«Здравствуйте, я ищу вашего капитана! Он хочет закрыть дело...»

Рядом есть РОВД. Надо бежать туда. Найти дежурного, прорваться к начальству. Взять за душу — живьем, непременно живьем. Все, все расскажут — из какой норы вылез хорек, где его ловить... Напишу заявление. Бумаге обязаны дать ход. Псих, оккупировавший меня, жаждал действий. Бежать, кричать, требовать. Стучать кулаком по столу. Умом я знал, что это так, отдушина. Ничего, скорее всего, я не добьюсь.

Пар спущу, и ладно.

На улице буянил ветер. Совался в каждую щель, требовал немедленной любви. Так возвращается домой загулявший кот. Легкий

морозец подсушил асфальт. Мамаши проветривали чад — деятельных, суровых в своей жажде познания мира. У салона красоты курили парикмахерши, все как одна блондинки. Торговали водой — к автоцистерне выстроилась очередь с пластиковыми бутылками. Брали столько, что за один раз не унести.

Моются они в газировке, что ли?

Я решил срезать путь. Дворами ближе. У «Холл-Парфюм» сворачиваем в подворотню, и насквозь — гаражи, помойка, новенькая высотка с супермаркетом на первом этаже... Я настолько ясно представил грядущий путь, я так хотел содрать с хорька шкуру, что не сразу сообразил: это случилось здесь.

Да, здесь.

Ноги остановились раньше, чем разум отдал приказ. Та самая подворотня. Тут били Антошку. Со спины, обрезком трубы или резиновой дубинкой. Топтали руки бесчувственного. Глумились. Передавали привет: это, мол, тебе от ублюдка. Знаешь такого? С нижним подчеркиванием?

У которого не алиби — цитадель.

Серый, щербатый бетон. Круглится свод над головой — давит, хоронит. Колдобины под ногами. Длинная лужа от края до края. Оступись, и ботинки полны воды. Железная дверь в стене ведет в

никуда. Она заперта от сотворения мира. Ее не открывали, боясь выпустить мировое зло. Впереди свет в конце туннеля — двор, стылый песок, подъем к гаражам...

Промочив ноги, трогая стены озябшими пальцами, я бродил по подворотне. Туда-сюда. Чудилось — вот-вот, и я найду. Отыщу причину, зацепку, вескую улику. Швырну ее в остренькую морду Заусенца. Никуда не денется, станет искать, как миленький.

Землю будет носом рыть.

— Эй, мужик... не надо, мужик...

Первым явился запах. От бомжей, знаете ли, пахнет. Потом я услышал шарканье. Не стоялось ему на месте. Все топтался на краю света и тьмы, ерзал, шлепал подошвами. Зрение пришло к финишу последним, отметив — ерунда. Ничего особенного. Одежонка с чужого плеча. Вязаная шапочка натянута на уши. Моего роста, коренастый, испитой.

С виду — не опасный.

В романах, которые мне доводилось редактировать, бомж обязательно был бы посланцем главзлыдня. Замаскированным ниндзя из школы Топинамбу-рю. Его прислали убрать Золотаря. При помощи дедуктивного метода Золотарь собирался разрушить ублюдочное алиби. Вот, значит, встретились на узкой дорожке.

Знаю ли я приемы смертоносной школы барит-су?

— Что тебе? Закурить?

— Не надо, мужик...

В руке бомж держал клеенчатую суму. Собирал дань в мусорных баках. Помнится, летом предложили их ароматной компании вскопать клумбу во дворе. За деньги. Отказались, работнички.

— Чего не надо?

— Убиваться... Че тебе, жить надоело?

— Что ты городишь?

— Ага, городишь... тут один такой ходил-ходил...

— Ну?

— ...и раз — башкой о стенку...

Я смотрел на него, чувствуя, как превращаюсь в кусок льда. Из таких складывают слово «вечность», а получается слово «жопа».

— Кто? Ты его видел?

— Парнишка. С виду приличный. Слышь, мужик, ты тут про курево...

Когда я шагнул к бомжу, он попятился.

6

— Я тебе пачку сигарет куплю. Три пачки. Блок! Ты про парнишку...

— Ментура? — с недоверием спросил бомж.

Он смотрел на Золотаря, подслеповато моргая. Красные, как у кроля, глазки. Белесые ресницы. Бомжу дико хотелось курить. Аж уши пухли. Но и бежать отсюда сломя голову ему хотелось не меньше. Ладно, если ментура. С ментами он уже имел счастье общаться.

А если псих?

— Не похож ты на мента, мужик. Точно курево возьмешь?

— Точно.

— Поклянись. Мамой клянись.

— Иди ты к черту. Сказал, возьму, значит, возьму. Так что парнишка?

— А я уже рассказывал. Вашим.

— Кому?

— Мелкий такой. На пацюка смахивает...

— Капитан?

— А хер его знает. Может, и капитан.

— Ну?

— Чего ну? Говорю, парнишка. В куртке. Я от «Вопака» спускаюсь, а он тут. Шур-шур, шур-шур, как ты. Наружу не идет, все здесь ходит. В подворотне. Чистый парень, справный. Студент. И вдруг башкой об стенку — хлопысь!

— Сам?

— Ага. Главное, не лбом, а криво как-то. Боком, что ли? Без разбега. И еще раз. Во, думаю,

мать моя женщина. Пошли к киоску, мужик. Ты мне курева возьмешь, я дальше расскажу.

— Так рассказывай. К киоску — потом.

Монитор. Черно-белый ютубовский ролик. Безумный акробат Антон Золотаренко делает прыжок через голову назад. Выходя из трудного положения. Мечи закружились в причудливом танце... И рядом нет редактора. Заботливого, как отец. Спасительного, как отец. Чтобы исправил, изменил — нет! — выбросил к чертовой матери этот эпизод. Пусть бранится автор. Если заметит, конечно. Пусть издатель ставит на вид. Пусть хором требуют вернуть обратно.

Только через мой труп.

— Гляди, не обмани. Он башку себе расколотил, а не падает. Стоит, качается. Кровь на плечо течет. Я пересрал, аж в штанах замокрело. Ноги ватные, не идут. Прикинь, а? — башкой! Мать моя... Я психов с детства боюсь. У меня батя псих был, со справкой.

— Дальше!

— Он ко мне пошел. Чап-чап, не по-людски. Глаза такие...

— Какие?

— У меня на ноге язва, во какие. Страшные. Да ты все равно не поймешь, мужик. Я тогда догнал, не жить мне. Если не псих, значит, наркоша. Глюки у него. Щас и меня башкой в

бетон. Не, не трогает. Здесь встал, у края. И рукой об угол — тресь! Раз, другой. Хрустело, блин... Эй, мужик, ты чего?

— Я ничего. Я слушаю.

— Глаза у тебя... Язвы, блин. Ты точно не псих?

— Точно. У меня справка есть.

— Ага, шутишь. Короче, он руками бил. Как не по-живому. Каратист хренов. А потом лег. Тихо так, без звука. Лежит, смиренный, вроде как пьяный. Только кровь под ухом. Тут меня и отпустило. Я сумку в охапку, и деру. Все, пошли за куревом.

— Пошли.

Случайно или нет, но Золотарь выдал себя. Бомж закашлялся, харкнул желто-зеленой мокротой, согнулся в три погибели — и вдруг, подхватив суму, чесанул прочь. Почуял, что пачкой сигарет — тремя! блоком, мать моя... — дело не обойдется. Поволокут за шкирку, и добро б в ментуру, а то в темный погреб, где паяльник и кухонный ножик.

Такие уж были глаза у мужика.

Язвы.

Золотарь, не размышляя, кинулся следом. Пружина, сжимавшаяся во время рассказа, бросила тело вперед раньше, чем рассудок задал сакраментальный вопрос: зачем? Тащить гада к Заусенцу? Так хорек явно в курсе. Бить мордой об

асфальт? Кричать: «Врешь, паскуда!» Так бомж согласится: вру, мол.

Он с чем хочешь согласишься, если мордой...

Все эти мудрые соображения ковыляли за Золотарем, мало-помалу отставая. Осталось одно — страстное желание взять бомжа за грудки. Бессмысленное и беспощадное, как писали классики. Взять, приложить с маху об стенку, а там — будет видно. Врет гад про Антошку, или это вовсе не Антошка, а обдолбанный нарик, или химера, явившаяся бомжу от паленой водки...

Неважно.

Сперва — догнать.

Колченогий, бомж неся призовым рысаком. Из-под драных кроссовок летели брызги и мокрый песок. На лестнице, ведущей к мусорным бакам, Золотарь ухватил было гада за штанину, да споткнулся о железное ребро ступени. Упал, рассадил колено; грязная плюха залепила лицо. Не утираясь, не чувствуя боли, он вскочил. Бесстрастен, бледен, сосредоточен. Автомат с тупой программой. Робот. Лишь грязный мат, принадлежавший, казалось, другому человеку — оператору, ведущему автомат в погоню? — выдавал его состояние.

Единственное пристойное слово:

— Стой!

Бомж обогнул помойку. Сумку он на бегу швырнул молодой дворничихе, похожей на апельсин в своей оранжевой спецухе. Та приняла пас легче, чем баскетболист — мяч от партнера по команде, аккуратно примостила добычу между баками и продолжила шаркать метлой, не интересуясь беготней.

Привыкла.

— Лови! — заорали от распахнутых дверей гаража. — Держи вора!

Бомж прибавил хода.

В груди саднило. Сердце плясало качучу. Дышите, больной. А теперь не дышите. Вы же видите — дышать не получается. Хрипеть — это да. Булькать. Ловить воздух ртом. А дышать — зась, как говорила ваша бабушка, царство старушке небесное. Из последних сил Золотарь наддал, вихрем пролетел вторую, ведущую к «Аквагалерее», подворотню — и успел заметить, как бомж ныряет в подъезд рядом с огромным котом.

Кот был картонный — реклама.

В подъезде царила темнота. Вонь мочи, сверху несется ругань — кто-то скандалит с женой. Но главное — о счастье! — подъезд не был проходным. Кашляя, держась за бок, Золотарь стал спускаться вниз, по ступенькам, ведущим к

открытой двери в подвал. Он знал, что зверь в ловушке.

Он только не знал, что делать с пойманным зверем.

7

Я помнил этот запах.

Так пахло от Антошки — ненастоящего, воображаемого Антошки. Того, кто сидел рядом со мной-пьяным и смотрел ролик, где ломали ублюдка. Кислая огуречная вонь. Стариковское тело. Больничная «утка», застиранная пижама. Что еще? — хлорка...

И рыхлая, жирная земля, какой не бывает в феврале.

В подвале было темно. Щурясь, я различил коридор, ведущий во мрак. В стенах по обе стороны маячили двери — корявые, дощатые. Казалось, раньше здесь располагался аттракцион: комната смеха, коридор зеркал — да вот, повыбили, хулиганье. Заменили мощными досками, завесили амбарными замками.

Возбуждение никуда не делось. Просто отступило, дожидаясь своего часа. Я продвигался по коридору, стараясь не шуметь. Подобрал какую-то железину — ржавую, испачкавшую руки. Тяжесть успокаивала.

Коридор свернул влево. Вправо. И еще раз. С трубы, о которую я походя звезданулся лбом, капало. Одну из дверей взломали. В глубине каморки качалась на проводе лампочка-миньон. Она умирала, но держалась до последнего: светила. Из горы хлама торчало велосипедное колесо. Мята «восьмерка» от дряхлой «Украины».

Чувствовалось, что взломщики много не поимели.

Вот, новый поворот. Так можно до Новосибирска дойти. В гости к ублюдку. Выйду из мрака, с железиной наголо. За спиной — свора охотничьих крыс. Вон они, шебуршат по углам. Одна вылезла — жирная, гадкая. Хвост глянцевоый. Уставилась на меня, прикидывая: нравлюсь или где?

Приручу, натаскаю, обучу кидаться на горло. Я в ответе за тех, кого приручил. Вот и отвечу...

— Эй! Давай поговорим!

Бомж не откликнулся.

— Не бойся! Просто поговорим...

— Чё те надо? — спросили неподалеку.

— Ты где?

— В Караганде! — тьма зашлась многоголосым гоготом.

Впереди мелькнул свет. Перебравшись через завал гнилых ящиков, я сунул железину под мышку — и шагнул на мерцающий островок. Свет качался,

дрожал. Сейчас он исчезнет, и тьма, как море, поглотит все.

Горело бра с расколотым плафоном.

Куда его подключили те трое, что сидели у стены, я не знаю. Старик в вязаной шапке — точно такой, как у моего бомжа — разливал вино в пластиковые стаканчики. Молодой, тощий дылда поминутно сглатывал, дергая кадыком. Обоих я не слишком интересовал. Зато толстенная баба в кожухе, высунув из лохматого ворота голову, бритую наголо, пялилась на меня в упор. Бабий взгляд раздражал — липкий, масляный.

— Это не Ефим, — сказала бабища. — Слышь, Петрович? Это точно не Ефим.

— Ефим, — убежденно ответил старик. — Он мне пиво задолжал.

— Ну и что?

— Ничего. Вот, принес.

На меня он по-прежнему не смотрел. Разлив вино до конца, старик сунул руку в карман длинного, не по размеру, пальто — и достал складной нож.

Я перехватил железину поудобнее.

— Ефим, — с удовлетворением констатировал молодой. — Пришел Ефим, и хрен с ним.

Он громко заржал.

Старик чихнул, открыл нож и стал срезать пластиковую пробку со второй бутылки. Я молчал и

разглядывал их. Повернуться и уйти? Спросить, не видели ли они *моего* бомжа? В любом случае, мне уже не хотелось ничего. Ни гнаться, ни спрашивать, ни доказывать.

Это безумие. Никто не рассказывал мне, как Антошка сам калечил себя. Пусть капитан закрывает дело. Пусть бывшая истерит. Лишь бы все были живы-здоровы. Остальное — труха.

— Эй, Ефим? — вдруг спросил молодой. — Ты чего?

Он бросил ржать. Отлепился от стены. Сгорбился, моргая. В лице его, похожем на маску идиота, проступил страх. Точно такой же страх был написан на лице бабы. Даже старик прекратил разлив. Руку с ножом старик спрятал за спину, словно боясь спровоцировать меня.

Раздался щелчок — нож закрылся.

— Ты это... мы ж ничего, мы так...

— Это не Ефим.

— Заткнись, дура.

— Это не Ефим. Бегите.

— Винидло... жалко...

— Бегите!

Они послушались. Миг, и баба осталась одна. Я и не заметил, куда исчезли старик с молодым. Наверное, туда же, где скрылся мой бомж. Баба, ранее сидевшая на корточках, встала, кряхтя, и сделала шаг навстречу.

По ее жуткому, одутловатому лицу текли капли пота.

— Меня бей, — сказала она. — Меня можно. Я ребеночка удавила.

Смотрела она мне за плечо. Туда, где, ухмыляясь, стояла моя тень. Тот Золотарь, что еще недавно несся по двору. Настигал добычу, нырял в крошечный мрак подвала. Подбирал оружие, крался, нюхая спертый воздух...

Страшный.

Злой.

Бессмысленный.

Когда зазвонил мобильник, она не пошевелилась. Осталась на месте, ожидая. «Меня можно...» — кривились отвислые губы. Бра замерцало сильнее. Вокруг бритой головы бабы образовался неприятный, расколотый наверху ореол. Нимб, похожий на рога.

Резко запахло вином.

— Слушаю! — я выхватил трубку, как пистолет. — Кто это?

— Здравствуйте, Александр Игоревич, — рокотнул знакомый бас Чистильщикова. — Говорить в состоянии?

«Нет,» — хотел ответить я.

— Да.

— Нам надо встретиться. Когда вам удобно?

ДЕНЬ ТРЕТИЙ ГЕРТРУДА, ВЫПЕЙ ЙАДУ

1

Пострадавший — Пилипчук Михаил Николаевич.

1986 г. р., холост; образ. ср. спец. Проживает с матерью по адресу: Театральный переулок, 6, кв. 15. Безработный. Неофициально трудится в бригаде по ремонту квартир; помощник сантехника.

30 декабря 2008 г. госпитализирован с острым приступом диареи. Приступ сопровождался следующими симптомами: колики, боли в животе, тошнота, рвота, понижение температуры и артериального давления. Стул в виде рисового отвара с примесью крови. Слабость, головокружение. Периорбитальный отек, миокардиальная дисфункция, судороги скелетной мускулатуры.

Диагноз: отравление мышьяком.

Виртуальный возбудитель (факт установлен охотником Карлсоном) — комментарии пользователя *semafor* (А. Березина, г. Керчь, учащаяся школы-интерната «Лицей искусств», номинант городской программы поддержки одаренных детей «Керченские жемчужинки-2007»)

к записи пользователя *mrshmister* (М. Пилипчук) «Хачу тусовацца!» в сообществе *scotobaza* , от 9.12.08:

«ебаный ты папалам. Шлю тебе лучи адской диареи блять.»

«Встреть Новый год на койке.»

Исполнитель — не установлен. Подозрение с матери пострадавшего, Пилипчук Марии Ефремовны, снято по причине отсутствия контакта с компьютером в указанный период. Подозрение с бригадира Галкина и сантехника Пономаренко снято...

Пострадавшая — Ле Тхи Куен.

1990 г. р., гражданка Вьетнама. Студентка ХНАДУ, факультет Мехотроники и транспортных средств (ул. Петровского, 25). Специальность: гибкие компьютеризированные системы и робототехника. Проживала в общежитии № 2 (пер. Студенческий, 4). Знание русского языка: удовлетворительное.

16 ноября 2008 г. была убита в Молодежном парке группой подростков. Они остановили Ле Тхи Куен возле спорткомплекса ХПИ, избили ее и изрезали ножами. От полученных ран девушка скончалась на месте до прибытия машины «Скорой помощи», вызванной дежурным спорткомплекса.

Заведено уголовное дело, ведется следствие.

Виртуальный возбудитель (факт установлен охотником Шизой) — запись в ЖЖ пользователя *lapusya* (О. Тягнибок, сокурсница пострадавшей; конфликт на почве общей симпатии к старосте группы Р. Каретникову) от 04.11.08:

«Куен, сдохни, овца паршивая!!! Как же я тебя ненавижу! Тварь!!!! Если сейчас я дала тебе место для раздолья, не думай, что я не убью тебя в скором времени!!! Ты испортила мне жизнь! Сдохни прямо сейчас! Пусть тебя посадят на ножи!!! Пусть топчут ногами!!! Сдохни, мразь, сдохни!! хахаххахахахахаха!!!»

Исполнители: учащиеся ДЮСШ № 2 (спец. исполн. — самбо и дзюдо). В момент захвата находились в нет-клубе «555» (ул. Сумская, 41). Мотивации поступка искажены. Базовый мотив: «Она нам угрожала. Каратистка, ударила Вовчика...»

Приняты меры по смягчению приговора...

Пострадавшая — Штайнер Гертруда Карловна.

1960 г. р., замужняя, образ. высш. Проживала с мужем и сыном по адресу: пр. Ленина, 42, кв. 8. Ст. преподаватель ХНУ им. Каразина (кафедра истории Украины), доцент. На работе характеризуется в высшей степени положительно.

Скончалась, не приходя в сознание, 26 января 2009 г. в ресторане «Диканька», где праздновала день рождения мужа. В ходе экспертизы было установлено, что для убийства Г. Штайнер использовалось (см. офиц. заключ.) «боевое отравляющее средство, которого нет на вооружении Украинской армии. Яд изготовлен из вещества (см. прилож. 1), произведенного на военно-химическом заводе в городе Шиханы Саратовской области.»

Виртуальный возбудитель (факт установлен охотником Карлсоном) — запись в развлекательно-публицистическом проекте Урод.Ру (тема «Падлюки»), сделанная пользователем *matzuha* (Н. Гуленко, студентка ХНУ, 2-й курс, физфак), от 29.12.08:

«Есть у нас преподаша Гертруда суюко. Ей за палтос наверно уж. Строит киску, несмаря на страшнойе табло. Ей бы наски вязать внукам, а она зверь. Меня завалила суюконах. Три раза. Препод, выпей йаду!»

Исполнитель: Гаев Сергей Викторович, официант. После исполнения — выборочная амнезия. Деяние — не помнит. Убежден, что в день убийства Г. Штайнер брал отгул в связи с болезнью матери. Каким образом раздобыл отравляющее вещество — не помнит. При попытках давления впадает в спячку. Проснувшись, факта давления не помнит.

Приняты меры по смягчению приговора...

Пострадавший — Арутюнян Эдуард Ованесович.

1979 г. р., женат, двое детей; образ. высш. Проживает по адресу: ул. Данилевского, 23, кв. 3. Работает младшим экономистом в банке «Меркурий».

9 июня 2008 г. посещал стоматологический кабинет «Жемчуг» (пр. Правды, 12). Предварительная запись на прием — 1 июня, по телефону. Во время лечения пострадавший без его согласия был введен в бессознательное состояние путем применения средства для общей анестезии «Севоран» (произв. «АВВОТ Laboratories», США). В дальнейшем ему была проведена энуклеация левого глаза (удаление глазного яблока с пересечением наружных мышц глаза и зрительного нерва). По завершении операции лечащий врач при помощи фиксирующего клея «Фиттидент» сделал попытку закрепления удаленного глазного яблока на ягодице пациента.

Виртуальный возбудитель (факт установлен охотником Уматом) — комментарии в ЖЖ пользователя *temon* (И. Сулицын, г. Москва) к записи «Stormy Weather». Ниже — диалог пользователей *batarey* (Г. Петруня, г.

Ростов-на-Дону) и *waterclozet* (Э. Арутюнян) от 28.05.08:

Batarey: *Ну ты и мазохист рогатый! Может тебе насцать на грудь, чтобы морем запахло?*

Waterclozet: *Ищи другого интимного друга в городе Саратове, у меня нормальная традиционная ориентация! А правда, что огней так много золотых у города Саратова, а ты любишь женатого?*

Batarey: *Да ты ещё и пидар гнойный впридачу...*

Waterclozet: *Бедняга! Как ты потускнел и потерялся на форуме среди грамотных и культурных людей. Вот до чего доводит нетрадиционная ориентация!*

Batarey: *Действительно потускнел... Так как не с кем говорить... Гуляй рогатый, пока я тебе грамотно и культурно глаз на жопу натяну. И заставлю моргать!*

Исполнители: доктор Косов Е. А. при содействии медсестры Овчарюк Л. П. В данный момент Косов и Овчарюк находятся в областной клинической психиатрической больнице № 3 (ул. Академика Павлова, 46). Контакт с ними невозможен. Проводятся социовосстановительные мероприятия.

Захват исполнителей произошел предположительно утром 09.06.08, в кабинете

«Жемчуг». Медсестра Лишина Б. В. показывает, что перед началом приема исполнители смотрели мюзикл «Кошки», используя для просмотра служебный компьютер. Сама Лишина фильм смотреть отказалась и читала журнал «Натали»...

2

— А почему вы пишете «пострадавший»? — тупо спросил я.

— А как надо? — заинтересовался Чистильщиков.

Он заваривал чай. Колдовал, священнодействовал. Такой чай грех было пить. Им надо любоваться и до конца дней хвастаться друзьям. Присутствовал, мол. Имел честь.

Жаль, что я такой вульгарный. Мне и в пакетиках сойдет.

С бергамотом.

Мы договорились встретиться у него в офисе. Первый раз я удивился, когда обнаружил по указанному адресу жилой дом. Даже без домофонов на подъездах. Входи, кто хочешь, бери, что хочешь, как говорила моя бабушка. Второй раз я удивился, когда, пыхтя и отдуваясь, взобрался по лестнице на девятый этаж (лифт не работал). Чистильщиков дежурил в дверях самой обычной квартиры. В прихожей он обождал, пока я разденусь, усадил на

диван в ближайшей комнате — и без предисловий сунул в руки папку с какими-то отчетами.

Начав читать, я удивился в третий раз.

— Надо писать — «потерпевший».

— Ничего подобного. Извините, Александр Игоревич. Редактор вы, говорят, хороший... Но в этих материях — профан. Потерпевшим в процессуальном смысле лицо становится не автоматически, а только после вынесения следователем, прокурором или судьей постановления о признании гражданина потерпевшим.

— Вы — юрист?

— Нет. Я врач-стоматолог.

— А-а...

— «А-а», — он улыбнулся, — будете говорить отоларингологу. Когда вас попросят показать горло. У нас, зубодеров, кричат. Вот так...

Чистильщиков внезапно рывкнул во всю глотку:

— А-а-а!!!

Задребезжала посуда.

— Добрый доктор Косов — ваш коллега? Тогда понятно...

— Зря иронизируете. Женька Косов — отличный парень. И чудесный специалист. Не его вина, что бедняга Арутюнян остался без глаза.

Александр Игоревич, вы ведь все уже поняли, да? Это вы просто ваньку валяете?

Я встал с дивана и подошел к окну. Город с высоты напоминал мутный, подтаявший айсберг. Белое, серое, черное. Суета, копошение. Если в нас врежется «Титаник», еще неизвестно, кто затонет первым.

— Вы хотите сказать...

— Да, хочу.

— Не перебивайте меня, Вадим Петрович. Я — не поклонник фильмов про мировое зло, лезущее в мир из унитаза. Если угодно, из компьютера. Я этого дерьма наредактировался — под завязку. Если вы намерены приплести к вашей городской фэнтези моего Антошку...

— Намерен. Случай с вашим сыном я взял на контроль. Виртуальный возбудитель установлен охотником Золотарём. Надеюсь, вы не в обиде?

— Золотарём меня дразнят со школы. Я привык.

— А я вот все никак не привыкну. Второй год... Эта зараза обучается. Пробует варианты. Казалось бы, есть алгоритм. И вдруг как выкинет коленце...

— Какая зараза?

— Не знаю.

— А кто знает? Академия наук? ЦРУ? Синедрион жидомасонов?

— Никто не знает. Есть куча версий... Я вас позже ознакомлю. Полный спектр, от цифровых пришельцев до Судного дня. Мне не нравится ни одна. Слишком уж они все... Человеческие, что ли? Я практик, Александр Игоревич. Я понимаю так: некий подонок обещает натянуть Арутюняну глаз на... э-э...

— На жопу, — подсказал я. — Не стесняйтесь, Вадим Петрович.

Он кивнул:

— Хорошо. Один пообещал, второй окривел. Один из Ростова, второй из Харькова. Между ними связующее звено — врач Евгений Косов. Для окружающих — психопат, маньяк, доктор Менгеле. Жизнь загублена на раз, мимоходом. Сейчас Женька сидит в дурке и воет. Целый день, с редкими перерывами на сон. Его кормят насильно. А медсестра вяжет шарфы. Бесконечные, нелепые шарфы. Отбери у нее спицы, и она превращается в дикого зверя.

У Чистильщикова задергался рот. Усилием воли он заставил себя продолжить.

— Знаете, каких трудов стоит смягчить приговор этим пацанам из ДЮСШ? Если б у них была хотя бы амнезия... Нет же, все помнят! Как остановили вьетнамку, как били, резали. «А чего она? Она первая...» Защитный блок. Начни ломать — сойдут с ума. Они ведь славные ребята, в школе

на хорошем счету. И ни одна собака не поверит, что это ревнивая дурища Тягнибок пожелала от большого ума...

— Значит, виновата Тягнибок? Просите, и дано будет?

— Тягнибок если и виновата, то в грязном языке. Желать человеку зла — естественно. И социально ненаказуемо. Увы. Желать зла вслух, в магазине или интернете, угрожать, обещать всяческие кары... Александр Игоревич, есть статистика. И приличные средства, выделяемые на конторы типа нашей. Других способов убедить вас у меня нет. Налить вам чайку?

— Налейте.

— С сахаром?

— Без.

— Это правильно. Пить чай правильной, чем уйти, хлопнув дверью. Почему вы не спрашиваете, какой у меня интерес к вам?

— А у вас есть ко мне интерес? Я думал, вам просто не с кем выпить чаю.

— Чаю я и сам выпью. Помните, как вы позвонили мне? И сказали, что нашли форумное сообщение, где ублюдок грозил вашему сыну? Будь я вашим тренером, сказал бы, что вы уложились в рекордный срок. Профессиональный охотник не смог бы быстрее выйти на виртуальный

возбудитель. Вы искали по какой-то системе? Знали, где искать?

— Нет. Злой был, как собака.

— Вот-вот. Собака. Это значит — нюх. Теперь я скажу вам самое недостоверное, — он принес мне чашку с чаем, поставив ее на подоконник. — Чаще всего нюх проявляется в окружении пострадавшего. Близкие родственники, друзья, любимая девушка. Не спрашивайте, почему. Я не знаю. И синедрион жидомасонов не знает. Факт, данный нам в ощущении. С окружением пострадавшего в смысле нюха может конкурировать только один человек.

— Кто?

— Исполнитель. Тот, кто воплощал угрозу в жизнь. Но исполнителей, как правило, невозможно привлечь к сотрудничеству. Вы понимаете причину? Редкие, исключительные случаи — не в счет.

— А что, бывало? Исполнитель шел на сотрудничество?

— Бывало, — Чистильщиков отхлебнул чаю. — По России, насколько мне известно, трижды. В Украине и Беларуси — по одному разу. Дважды в Германии. Остальная статистика мне недоступна. Что вы скажете, если я предложу вам простенький тест?

— Кем я был бы во «Властелине колец»? Кем смог бы подрабатывать во время кризиса? Какого цвета моя аура?

— Что-то вроде. Попробуем?

Я пожал плечами.

3

Запись в журнале юзера **Koordinator** :

Юзер Пацифист опубликовал в своём блоге фотку девушки, спровоцировав ряд оскорбительных комментов. Требование удалить фотку он проигнорировал. Фотка исчезла только после звонка на домашний телефон Пацифиста, от которого он жиденько обосрался. Я вызываю юзера Пацифиста на дуэль. Выбор оружия я милостиво оставляю за ним. Одно условие — это должно быть оружие, способное причинить увечья или смерть. В случае отказа Пацифист объявляется бздуном, не отвечающим за базар. При личной встрече я без всякой дуэли набью ему морду.

Read comments:

Чего вы добиваетесь такими заявлениями? Славы? Статуса?

Я хочу, чтобы Пацик заткнулся или убил себя об стену.

Хорош пиписькометрией занимацца.

Уж больно вонючее говно.